

Мёдова Анастасия Анатольевна, доцент, кандидат философских наук, Сибирский
технологический университет, г. Красноярск

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ

Существует культурный феномен, связанный с сознанием самым непосредственным образом, настолько тесно, что его традиционно называют показателем разумности. Это *язык* в широком значении, и прежде всего вербальный, понятийный язык. Идеи о том, что язык и знаковая активность являются главным фактором эволюции сознания, высказывались задолго до наступления XX века. Так, в 1747 году Ламетри в своем знаменитом труде «Человек-машина» писал: «Слова, языки, законы, науки и искусства появились только постепенно; только с их помощью отшлифовался необделанный алмаз нашего ума. Человека дрессировали, как дрессируют животных... Все достигалось при помощи знаков; каждый вид научался тому, чему мог научиться. Таким именно путем люди приобрели то, что наши немецкие философы называют *символическим познанием*. Как мы видим, нет ничего проще механики нашего воспитания: все сводится к звукам или словам, которые из уст одного через посредство ушей попадают в мозг другого, который одновременно с этим воспринимает глазами очертания тел, произвольными знаками которых являются эти слова. Но кто заговорил впервые? Кто был первым наставником рода человеческого? Кто изобрел способ использовать понятливость нашего организма?» [4, с. 191]. Как видим, в данном фрагменте содержится весьма занимательная интерпретация символической активности сознания в духе механицизма.

Философия XX века породила новые концепции, согласно основной из них наши мысли и понятия языка суть не корреляты друг друга, а тождества. Мартин Хайдеггер первым заявил о принципиальной важности языка для всего человеческого существования и, более того, для всего бытия вообще, провозгласив язык домом бытия. Представление о мышлении как о некоем внутреннем процессе, для означения которого *потом* подбираются слова, принципиально неверно. Нет мышления, изолированного от слов и понятий. Напротив, имеющиеся в нашем арсенале термины, знаки и символы задают границы и возможности нашего мышления, таким образом, вопрос «Что я могу знать?» зависит от вопроса «О чем я могу спросить?».

Э. Гуссерль, хотя и не разделял тезис о прямом параллелизме между мышлением и языком, тем не менее признавал, что синтаксические структуры языка отражают базисные логические различия [3, с. 130]. То есть, языковая структура идентична структуре логики и мышления вообще. Поэтому путем анализа базисных логических форм может быть установлена идеальная структура языка вообще.

Идею первичности языка по отношению к феномену смысла разделяет и Мерло-Понти: «Акт выражения, это соединение через трансцендентное некоего лингвистического смысла речи и того значения, на которое оно нацелено, не является для нас как говорящих субъектов какой-то вторичной операцией, с помощью которой мы лишь сообщаем наши мысли другому. Отнюдь, в данном случае мы вступаем во владение теми значениями, которые иначе были бы даны нам только в неявной форме. Если тематизация предшествует речи, то именно потому, что она является её результатом» [6, с.182]. Под тематизацией Мерло-Понти подразумевает именно смысл. Он настаивает на том, что именование или выражение – это событие соединения двух значений: внутреннего смысла речи, его «языковой формы», и внешнего денотата, т.е. предмета, который мы хотим именовать. Именно это соединение делает возможной *мысль*, которую философ называет «владение значением». Из цитаты выходит, что сознание в любом случае полагает некие значения, но только язык позволяет им стать явными, доступными рефлексии, т.е. «оплотниться».

Американский философ прошлого столетия С. Лангер так же констатировала: «любое подлинное мышление символическое, и пределы выразительного средства в действительности оказываются пределами нашей способности представления» [5, с. 80]. Эта настойчивая идея натолкнула философов, занимающихся проблематикой сознания, на версию о том, что язык, возможно, и есть наиболее чистая и непосредственная явленность сознания вовне. Язык есть та часть или структура сознания, которая «оплотнилась», приобретя форму внешнего явления культуры, и стала благодаря этому доступной созерцанию. То есть логика языка есть объективированная структура сознания.

Значительность феномена языка неоднократно отмечал Эрнст Кассирер. Согласно ему, для всех форм духовной деятельности людей характерно то, что свойственный им способ формообразования они могут применить, лишь создав для него определенный чувственный субстрат. Последний настолько существенен, что кажется, будто он исчерпывает все значение, весь сокровенный смысл этих форм. «Содержание духа заключается лишь в его выражении: идеальная форма может быть познана только в совокупности чувственных знаков, служащих её выражению» [2, с. 22]. Кассирер намеренно приравнивает смысл деятельности духа и его форму, предлагая не искать в религии, искусстве, мифе и других духовных сферах иного содержания, чем их символический способ выраженности.

Важнейшая функция, которую выполняет язык, это структурирование, расчленение и систематизация потока восприятий. «Хаос непосредственных впечатлений структурируется для нас лишь благодаря тому, что мы освещаем его наименованием и таким образом придаем чувственному функцию языкового выражения и мышления» [там же]. Язык требует дифференциации, различения, обобщения, создания логических систем, и сам одновременно